

АНДРЕЙ ЛОМОНОСОВ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЖУРНАЛЕ «СТАРЫЕ ГОДЫ» (1914–1916)

15 января 1907 года вышел в свет первый номер журнала «Старые годы». Первому русскому специализированному искусствоведческому изданию, ориентированному на коллекционеров и любителей искусства, принадлежит значительная роль в отечественном искусствознании. Несомненно, решающую роль здесь сыграл высочайший профессионализм авторского коллектива, в состав которого входили, в разное время, А.Н. Бенуа, В.Н. Верещагин, барон Н.Н. Врангель, В.Я. Курбатов, Е.Е. Лансере, И.И. Леман, Г.К. Лукомский, Н.Е. Макаренко, С.К. Маковский, А.А. Ростиславов, Н.В. Соловьёв, С.Н. Тройницкий, А.А. Трубников, барон А.Е. Фелькерзам, В.А. Щавинский, С.П. Яремич. Издателем-редактором нового журнала стал П.П. Вейнер. Журнал издавался до конца 1916 года. в общей сложности, в свет вышло 120 номеров в 90 обложках, общий объём текста составил около 7500 страниц. Изначально журнал был задуман как посвящённый «старому искусству и коллекционированию предметов старины». Наряду с историей отечественного искусства, на его страницах публиковались статьи, посвящённые искусству зарубежному, прежде всего – европейскому, частным художественным собраниям, отдельным авторам и произведениям. Почти в каждом номере печатались очерки по различным материалам и техникам декоративно-прикладного искусства. Отдельные (летне-осенние) выпуски носили тематический характер («Очерки по искусству эпохи Александра I», июль-сентябрь 1908 года; «Очерки по искусству Московской Руси в XVII веке», июль-сентябрь 1909 года; «Старые усадьбы: очерки

русского искусства и быта», июль-сентябрь 1910 года; «Иностранные художники XVIII столетия в России», июль-сентябрь 1911 года, и другие). Заметки хроники знакомили читателей с событиями художественной жизни Европы и России – выставками, аукционами, книжными новинками, новыми приобретениями европейских и отечественных музеев. Отдельная рубрика освещала вандализм собственников и строителей по отношению к памятникам архитектуры – как в России, так и в европейских странах. Особое внимание было уделено полиграфии журнала и его оформлению. Специально подобранная плотная бумага «верже» для текста, мелованная бумага для тонированных иллюстраций, шрифт, виньетки, заимствованные, по преимуществу, из лучших изданий XVIII века – всё это свидетельствовало об эстетической целостности авторского замысла создателей журнала. «Старые годы» стали эталоном изысканного, безукоризненного по вкусу, рассчитанного на знатоков, но доступного и более широкой аудитории периодического издания по вопросам истории искусства и художественного коллекционирования.

Культурное наследие польского народа нашло своё отражение в публикациях журнала «Старые годы» уже с самого начала его существования. Значительную часть их в выпусках 1907–1914 гг. составляют рецензии на книги и отклики на выставки. Автором большинства был Павел Давидович Эттингер (1866–1948), уроженец Люблина, в совершенстве владевший польским языком эрудит-энциклопедист (10 публикаций за указанный период). Польской тематике были посвящены также заметки Александра Ивановича Яцимирского (1873–1925), филолога-слависта, автора ряда статей по польской литературе для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, историка-геральдиста Владислава Крескентьевича Лукомского (1882–1946), искусствоведа Александра Александровича Трубникова (1882–1966). Единственная за этот период большая статья по данной проблематике была написана Сергеем Михайловичем Горяиновым («Художественные впечатления короля Станислава-Августа о своём пребывании в Санкт-Петербурге в 1797 году»), опубликованная в октябрьском номере 1908 года. С началом Первой мировой войны польская тема не только получила своё дальнейшее продолжение на страницах журнала, но и привлекла дополнительное внимание авторов. Это не удивительно: с первых месяцев войны развернулись ожесточённые боевые действия на польских территориях, непосредственная угроза нависла над памятниками польской истории и культуры. в течение менее чем двух с половиной лет (с июльско-сентябрьского номера за 1914 по декабрь 1916) в журнале появилось, в общей сложности, четырнадцать материалов различного объёма, посвящённых историческим

судьбам и современному состоянию польского историко-художественного наследия. Формат весьма разнообразен – от статей монографического характера и очерков до совсем небольших заметок – взволнованных откликов на военные разрушения и потери. Можно выделить пять статей: «Беллотто в Варшаве» П.Д. Эттингера (октябрь-декабрь 1914), «Русская церковная стенопись в средневековой Польше» П.К. Эттингера (январь-февраль 1915), «Белостокский дворец» Г.К. Лукомского (март 1915), а также две публикации в апрельско-майском выпуске 1915 года: «Прогулки по Львову» А.А. Трубникова и «Старый Львов» В.А. Верещагина. Безусловно, авторы журнала были пионерами популяризации истории польского искусства в России. Необходимо подчеркнуть, что практически все статьи искусствоведческого характера были первыми в русской научной литературе по затрагиваемой тематике.

Статья П.Д. Эттингера «Беллотто в Варшаве» представляет двойной интерес – и как первый обзор творчества выдающегося итальянского везувиста, ставшего «певцом Варшавы», на русском языке, и как характерный пример повышенного интереса к польскому искусству со стороны русских художественных критиков и искусствоведов-«ретроспективистов» в годы первой мировой войны. Автор уточняет хронологию строительства и последующей перестройки изображённых Беллотто варшавских дворцов и костёлов, прослеживает историю полотен Беллотто в польских собраниях. Сопровождающие статью двадцать две иллюстрации воспроизводят варшавские полотна Бернардо Беллотто. Именно статья Эттингера может служить наиболее удачным примером «монографического очерка иконографии города», заметим – города, уже значительно изменившего свой облик, запечатлённый Беллотто, ко времени написания этого очерка. Война навевала печальные аналогии: упоминая о разрушении дрезденского дома Беллотто в июле 1761 г., во время прусской бомбардировки города, Эттингер не без горькой иронии замечает: «Как видно, новейшая варварская военная техника немцев при обстреле незащищённых городов имеет свои давнишние традиции» [СГ, октябрь-декабрь 1914, с. 10].

Статья «Белостокский дворец» Г.К. Лукомского посвящена одному из наиболее блистательных образцов дворцово-парковой архитектуры середины восемнадцатого века, построенному Яном Клеменсом Браницким. «Полесский Версаль», давно переживший свой статус действующей резиденции, к началу войны сохранял ещё не только первоначальный облик большинства залов, но даже и кое-что из декоративного убранства восемнадцатого века. Лукомский скрупулёзно реконструирует картину жизни двора одного из самых уважаемых магнатов Речи

Посполитой восемнадцатого столетия: планировка и убранство дворца, ландшафтная архитектура и декоративная пластика парка, бытовой уклад и нравы обитателей дворца. Детализация описания имеет для наших современников особую ценность – Вторую Мировую дворец хотя и пережил, но утратил практически весь исторический декор интерьеров. Характеризуя роль Яна Клеменса Браницкого в культурной жизни Речи Посполитой, Г.К. Лукомский пишет:

о вкусе архитектурном гетмана свидетельствует всё созданное им в Белостоке: дворец, сады, постройки; очевидно, в живописи он был ценителем не меньшим, да и недопустимо, чтобы в таком дворце были полотна не выдающейся кисти. Ведь, о его вкусе свидетельствует и такой авторитет, как Станислав Август: «его дом», говорит король: «заключал в себе всё, что было в то время лучшего, в смысле вкуса и великолепия», и далее: «дворец и его сады – памятники высокого его вкуса, украшавшего Польшу» [СГ, март 1915, с. 30].

Открывающий апрельско-майский номер журнала за 1915 год очерк А.А. Трубникова носит обзорный характер, будучи предпослан гораздо более обстоятельной публикации В.А. Верещагина. Автор бегло знакомит читателя с панорамой исторического центра, перечисляя основные памятники Львова. Язык очерка напоминает о популярном в XIX веке жанре «физиологии города»:

Тут поляки в национальных костюмах, местные гимназисты, рассыльные, пожарные, фельдшера в австрийских мундирах; [...] живописные пёстро разодетые крестьяне русины и «гоцулы» Тут бородатые ополченцы с крестами, пейсатые евреи в лоснящихся лапсердаках и цилиндрах, сёстры милосердия разных общин, монахи санитары, менониты, бенедиктинки в белых крылатых чепцах, русские кадеты, пажи, реалисты [СГ, апрель-май 1915, с. 3–4].

Статья В.А. Верещагина «Старый Львов» весьма информативна: автор не только характеризует основные памятники церковного и гражданского зодчества, но и предоставляет возможность составить представление об основных музейных собраниях города, останавливаясь на наиболее значительных экспонатах. Статью завершает краткий список литературы по истории Львова, его культуры и искусства, на польском и русском языках. Политическое будущее Львова в годы Первой мировой войны виделось, разумеется, полякам и украинцам, австрийцам и евреям очень различным, часто – диаметрально противоположным, но мало кто в это драматичное время отчётливо осознавал необходимость осмысления и закрепления в общественном сознании многоуровнево-

сти культурного феномена львовского *genius loci*. Хрупкость и уязвимость сохранённого историей облика Львова обретала вполне символический характер в дни войны, впервые продемонстрировавшей *urbi et orbi* всю бесплодность «культурной дистилляции» исторической памяти по национальному признаку. Грядущая эпоха наносила самый беспощадный удар именно по пространству культурно-исторической памяти, по сложившемуся «цветущему многообразию» форм жизни, по тесно переплетённым и симбиотически сосуществующим укладам культурного бытования живущих бок о бок не одно столетие народов. Несмотря на известную тенденциозность Верещагина («...выдающиеся произведения львовской архитектуры и скульптуры [...] обязаны [...] своим существованием не представителям местного польского населения, а почти исключительно разным иностранцам» [СГ, апрель–май 1915, с. 63]), он, тем не менее, отдаёт дань признания местной польской культурно-исторической традиции:

Сгущая краски, я скажу, что чуть не каждой мето́пе его фризоев посвящено отдельное исследование, произведённое с той трогательной любовью, на которую способен только польский беззаветный патриотизм, с его вечно поддерживаемым трагедией родины пылающим огнём. Тем же пламенным культом драгоценных «забытков» озарено здесь всё то, что когда-либо служило старому знамени Польши [СГ, апрель–май 1915, с. 30].

Перу П.Д. Эттингера принадлежит статья «Русская церковная стенопись в средневековой Польше». Обосновывая назревшую необходимость исследования памятников этого типа, он отмечает:

Взаимные на протяжении почти тысячелетия отношения между русским и польским искусством, или, точнее выражаясь, поочерёдные влияния одного на другое, начавшиеся, по всей вероятности, в эпоху киевской Руси, до сих пор не сделались ещё предметом отдельного исследования, и лишь единичные моменты этого исторического процесса затрагивались то в русской, то в польской художественной литературе [СГ, январь–февраль 1915, с. 69].

В этом же номере помещена статья «В Галиции», написанная А.А. Трубниковым. Автор приводит примеры заботы русских военных о сохранности культурных ценностей:

В Красовицах, под Перемышлем, в старом имении графа Стадницкого старинная мебель, лучшие картины, в числе картин чрезвычайно нарядные женские семейные портреты кисти Лампи и Грасси, сложены в отдельную

комнату, в которую вход запрещён; в Горынце Понинских, славящемся богатейшей библиотекой, чрезвычайно культурный этапный комендант капитан Ш., бережно охраняет это книгохранилище, опечатав каждый шкаф; в Ярославле охраняется брошенная квартира, в которой, остановившись, генерал Р.-Д. нашёл интересные художественные предметы, и которую он не велел никому не давать под построй и тщательно оберегать [СГ, январь–февраль 1915, с. 59].

Уже начиная с номера журнала за октябрь–декабрь, появляется постоянная рубрика «Отражения войны», знакомившая читателей с хроникой гибели и повреждений объектов культурного наследия в Польше в ходе боевых действий. А.А Ростиславов писал

Сейчас, конечно, совершенно невозможно выяснить последствия войны для памятников искусства и старины в западной Польше, в богатом строительстве и искусстве которой западные формы минувших столетий приняли местами своеобразный отпечаток. Страшно за судьбу старины в Ченстохове, Сандомире и многих других местах [СГ, октябрь–декабрь 1914, с. 123].

Заметка А. Лорч в ноябрьском номере журнала за 1915 г. «К развалинам» содержит призыв к фотофиксации как можно большего числа объектов культурного наследия на территориях Польши, охваченных боевыми действиями. Автор цитирует П. Мореловского (Журнал «Echo Polskie», 1915, № 3), призвавшего не опасаться завышенной оценки ещё уцелевших памятников, поскольку «окончательное обеднение нашего отечества предметами искусства, фамильными или чужого происхождения, надолго задержит возрождение не только артистической, но и всей духовной культуры» [СГ, ноябрь 1915, с. 59]. Обеспокоенность редакционного коллектива судьбой памятников польской истории и культуры не ограничивалась только констатацией проблемы. Сотрудники журнала приняли непосредственное участие в их спасении.

А.А. Ростиславов писал в октябрьско–декабрьском номере 1916 г.:

У нас уже сообщалось о воззвании Польского Общества охранения древностей ко всем учреждениям и лицам, особенно офицерам действующей армии с просьбой способствовать сохранению и давать возможные сведения о памятниках польской старины и культуры, уже погибших вследствие военных действий и тех, которым грозит гибель. в разосланном правлением Общества циркуляре перечисляются эти памятники: старые книги, документы и письма, портреты и картины, гравюры и миниатюры, эмали, скульптура, художественные изделия из металла, кости, дерева, камня, фарфор и хрусталь, мебель, предметы раскопок, старые монеты и медали, наряды наших предков

– жупаны и контуши, конфедератки, пояса, мундиры. военные уборы, сбруя и упряжь, старые ювелирные изделия, материи и кружева, художественные безделушки и т.п., иконы и изваяния святых, церковные облачения, литургические предметы и проч. Общество принимает на хранение вывезенные из Польши предметы, покупает, принимает в дар, регистрирует, фотографирует и обрабатывает научно всякого рода материалы, касающиеся польской старины. Для составления описи художественных потерь за время войны желательно получить: а) сведения о погибших предметах, принадлежащих учреждениям и частным лицам, б) известия как о предметах вывезенных из Польши, так и перемещённых с места своего нахождения, в) списки повреждённых и разрушенных сооружений и г) описание и фотографии памятников польской старины, движимых и недвижимых, как существующих, так и погибших [СГ, октябрь–декабрь 1916, с. 157–158].

Далее в этой же заметке автор сообщает о том, что получена информация о вывозе произведений искусства из Лазенковского дворца и семидесяти ящиках первопечатных изданий из Варшавской главной библиотеки. Число членов общества, как указывает там же А.А. Ростиславов, составляло 284 человека. Выделенная Министерством Народного Просвещения субсидия в десять тысяч рублей была направлена «на расходы по охране памятников старины». Обществу удалось добиться прекращения продажи предметов искусства (вероятно, похищенных из государственных и частных собраний) на железнодорожных станциях и вокзалах, а также заручиться профессиональной поддержкой Академии Наук.

Авторы журнала не оставляли своим вниманием и случаи вопиющего непрофессионализма при атрибуции произведений искусства. А.А. Трубников в статье «Выставка произведений искусств в пользу инвалидов-поляков» (март 1916), сообщая о фантастических атрибуциях весьма посредственных работ, приводит курьёзную надпись, сопровождавшую пару канделябров восемнадцатого столетия:

Куплена в Париже из Тюллерийского (*sic!* – А.Л.) дворца; эта пара канделябр (!) принадлежала французскому королю Станиславу Августу, который в то время был также королём Польским и курфюрстом саксонским. Это было в 18 столетии, поэтому на канделябрах есть герб польский и саксонский. Заплочено 4000 тысячи франков, пошлины 156 р. Цена 1500 руб. [СГ, март 1916, с. 55].

Публикации в журнале «Старые годы», посвящённые истории польской культуры, занимают особенное место в истории отечественного искусствознания и историографии культуры. Они появились тогда, когда не только читательская аудитория в целом, но и, за редчайшим исклю-

чением, искусствоведы, историки искусства, коллекционеры в России имели весьма смутное, поверхностное представление об этапах исторического развития польского искусства, его стилевых особенностях, характере взаимодействия с западноевропейской, литовской, украинской, белорусской художественными традициями. В.А. Верещагин признавался в статье «Старый Львов»: «И я, к немалому смущению, узнал только во Львове, что и в [...] Сандомире, Люблине, Гродно есть замечательные памятники» [СГ, апрель–май 1915, с. 30]. Просветительский формат этих публикаций не умаляет их научного и культурного значения. Им принадлежит безусловное первенство в ознакомлении достаточно широкой и весьма пёстрой по образованию, профессии и национальной принадлежности читательской аудитории с культурно-историческим наследием польского народа в один из самых драматичных периодов его истории.